

А. С. Ржаницына¹**ДИАЛОГ КУЛЬТУР
И ВЕКТОРЫ ОПТИМИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ**

Глубокоуважаемые коллеги! Работа нашей секции проходит в контексте общей тематики Чтений — «Диалог культур в условиях глобализации». Глобализация, безусловно, ускоряет вхождение в постиндустриальную фазу развития тех стран, где этот процесс еще не завершен. При этом в каждой из стран попытки модернизации государства и общества, его политической, социальной и производственной сфер происходят под влиянием неизбежного в условиях глобализации усиления диалога культур. Этот диалог может строиться и строится по-разному.

Например, во второй половине 1980-х годов ряд видных государственных деятелей и ученых СССР предлагали М. С. Горбачеву присмотреться к опыту реформ в Китае. К этому времени был накоплен интереснейший и поучительнейший опыт реформ в Венгрии, ГДР, Польше и др. Изучение, осмысление и творческое применение этого опыта могло бы стать примером диалога культур. Но исторический выбор советского руководства лежал в области «вхождения» в глобализацию по западному образцу.

Следует отметить, что США и особенно Западная Европа имеют огромный опыт развития рыночной системы с учетом интересов разных слоев населения. Возможности рынка давно уже не абсолютизируются даже в США. И в Евросоюзе, и в Америке существуют системы «противовесов», приводящие к созданию балансов интересов правящих слоев, предпринимателей и трудящихся.

Этот «западный образец» в последние десятилетия переносится на российскую почву весьма своеобразно. Заимствуются и копируются его отдельные составляющие, способствующие ускоренному обогащению небольшой части общества. Те же составляющие, которые обеспечивают гармонизацию интересов участников рынка, развитие экономики в целом, игнорируются. Это касается государственных и политических институтов, законодательных актов, механизмов регулирования экономики и так далее — всего, что в совокупности образует культуру. Происходящее можно охарактеризовать как своего рода ущербный диалог культур — диалог с порочными целями, приводящий к плачевным результатам. В связи с этим одним из наглядных примеров является регулирование государством социально-трудовых отношений в стране.

Безусловно, успешно заимствования зарубежного опыта всегда определяется умением его адаптировать к национальной культурной традиции. В связи с этим представляется важным, что для русского общества в его истории всегда имела значение такая категория, как социальная справедливость. А она, как известно, включала идею уважения к труду и к тому, что трудом нажито. Опора на трудовые при-

оритеты была бы для общественной атмосферы нравственным мотивом в противоположность позиции, когда результатом являются легкие деньги. А нравственность — важнейшая содержательная часть образа жизни, а следовательно, и культуры. Современный водораздел культур в мире в странах, у которых может быть исторически обусловленное взаимопонимание, проходит больше по этой составляющей, чем по регуляторным институтам.

К сожалению, экономика, как правило, рассматривается вне культурного пространства. Это принципиально неверно, ибо человек в социуме не может не быть человеком экономическим — либо производителем, либо потребителем, либо тем и другим.

Нынешний экономический кризис обострил проблему поиска решений, в которых могло бы участвовать большинство граждан социума. А это повлекло бы социальные улучшения, хотя правительство видит выход в сокращении социальных расходов: федеральный бюджет начал экономить даже на беременных, больных. Но надо понять, что сама по себе бюджетная экономия не заменит необходимости увеличения производства, в условиях которого можно расширить предложение товаров и услуг, обеспечить конкуренцию, добиться снижения цен, не допустить падения реальных доходов и заработков.

В политике следует понимать связь социальных и экономических явлений. Труд, доходы, социальное страхование, предпринимательство, услуги образования и здравоохранения, цены, домохозяйство, потребительский рынок и прочее — это не просто отношения социального иждивения, прав и гарантий в области уровня жизни, но одновременно и экономика. Там, где субъект процесса, действия, мероприятия — человек, возникает диалектическое противоречивое единство социального и экономического.

Несколько иллюстраций. Нам нужно увеличить экономический фактор — совокупную трудоспособность общества. Это можно сделать на основе увеличения продолжительности здоровой жизни человека, чему в 2011–2012 годах должно служить самое крупное социальное мероприятие — модернизация здравоохранения. В числе культурных последствий — продленная трудовая активность в пожилом возрасте, снижение миграционной составляющей и т. д.

Другой пример. В намеченном Минздравсоцразвития РФ пересмотре закона о социальном обслуживании населения необходимо усилить внимание к сфере услуг по уходу за детьми и инвалидами в целях высвобождения времени семьи, которое она может использовать более производительнее в экономических целях. Проблема детских садов — вопрос женской занятости, снижения бедности при дополнительном доходе жены. Культурные последствия — социализация детей, формирование экономики заботы и т. п. И таким примерам — несть числа.

¹ Главный научный сотрудник Института экономики РАН (Москва), доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист РФ.

Необходимо выбирать социальные меры, которые способствуют экономическим улучшениям. И здесь главная проблема — *заработная плата, доходы за труд и экономическую деятельность*, усиление мотивации населения к трудовой активности. Это означает необходимость ликвидировать известный конфликт — недооценку цены рабочей силы в России, создание условий для самообеспечения экономически активного населения с опорой на собственные силы, умения и знания.

Отсюда — *вектор эффективной и в то же время справедливой социальной политики*, не просто «подачки» на бедность, а *курс на достаток работника*, включение его в состав среднего класса как базы общественного процветания и согласия. Надо отказать от действующей ныне ориентации материального положения человека на прожиточный минимум (ПМ), который ущемляет права личности и признает обеспечение только физиологической жизни. Этот норматив несправедлив и, по сути, представляет собой индульгенцию для работодателей, ибо в Конституции записана всего лишь гарантия минимальной, но не «справедливой» оплаты, как считает Международная организация труда (МОТ).

Если стремиться к развитию страны, то необходимо сформулировать идею, ставящую перед народом позитивную, мобилизующую и даже амбициозную цель. Новый курс в социальной политике, по нашему мнению, связан с определением *стандарта доходов, достаточного для экономической устойчивости трудоактивной семьи — работника и его ребенка (СЭУ)*. В соответствии с ним заработанный доход должен обеспечивать приличное питание, набор товаров длительного пользования, возможность вырастить и обучить детей, иметь право на отдых и досуг. Его размер в 2–2,5 раза выше ПМ, но отличие здесь не количественное, а качественное — принципиально иной образ жизни. Если в ПМ основное — питание, то в предлагаемом стандарте ведущее место занимают услуги, появляются накопления и так далее, как в структуре западного семейного потребления. Стандарт позволяет определить, сколько должен зарабатывать человек для себя и иждивенца, поскольку рассчитывается стоимость жизни взрослого и ребенка.

Стандарт не есть некая социальная гарантия, *это индикатор политики, мобилизующий усилия всех агентов экономики — работодателя, работника и государства* — действовать в указанном направлении. Работник, прилагающий усилия, получает перспективу жить достойно, по-человечески. Работодателю необходимо улучшать рабочее место, чтобы хорошо платить и получать прибыль. Государство должно содействовать этому и как крупнейший работодатель (для бюджетников), и как институт, ответственный за общее развитие.

В соответствии с этим строится и законодательство. К примеру, вводятся, наконец, стандарты оплаты в зависимости от уровня квалификации для профессиональных групп, предусмотренные

в Трудовом кодексе, ликвидируются унижающие труд фиксированные оклады в отраслевых системах (3–5 тыс. руб. при среднем уровне заработной платы более 20 тыс. руб. в месяц). Во многом проблема разрешается введением прогрессивной шкалы налогов, что должно способствовать более справедливому распределению произведенного дохода на заработную плату и прибыль. Лучше поощрять добросовестный труд, чем рантье и демонстративное потребление за счет сверхдоходов и т. п. Надо сказать, что в этом формате мы действительно могли бы приблизиться к лучшим общепризнанным характеристикам западного гуманизма.

Предлагаемый стандарт как экономический вектор влияет и на культуру поведения, ценностные установки работников. Как известно, при низкой оплате удобно жить экстенсивно, не надо прилагать усилий, отсутствует стремление вводить новую технику, нанотехнологии, повышать квалификацию. В итоге нет условий для серьезного роста производительности труда.

И так везде. Низкая цена рабочей силы — это «серая» занятость, неуплата налогов, взятки, двойная мораль, депрессивное настроение и другой негатив, даже содействие терроризму (пока милиционера можно «купить» за небольшие деньги). А поведение — это часть культуры.

Достойная заработная плата способствует не только росту производства товаров и услуг, но и солидным трудовым пенсиям, высокой покупательной способности населения, поступлению налогов. Следовательно, появляются источники финансирования социальных услуг, образования, медицины, культуры, а также пособий и льгот тем, кто не может самостоятельно обеспечивать себя без государственной помощи: многодетным семьям, инвалидам, детям-сиротам и т. п.

В систему экономических стимулов также следовало бы включить *реформу социального страхования*. Судя по зарубежной практике, целесообразно разделить страховые взносы между работодателем и работником, подняв заработную плату на величину страхового взноса. Работник накапливал бы собственный страховой капитал, а тем самым — стремление к большему трудовому вкладу.

В России же, к сожалению, страхование развивается своеобразно. Яркий пример — инициированная программа модернизации здравоохранения. Предполагается, что обязательное медицинское страхование будет единственным каналом финансирования, бюджет вообще не будет нести никаких расходов на медицину (скорую и высокотехнологическую). Интересен тот факт, что увеличение страховых взносов более чем на 400 млрд руб. за два года за счет фонда зарплаты работников пойдет не на улучшение их лечения, а на укрепление материально-технической базы медицинских учреждений, внедрение современных информационных систем в здравоохранение, стандартов медицинской помощи, то есть на то, что должен был бы финансировать бюджет из общих налогов.

Такое решение нарушает принципы страхования как формы распределения, имеющей объективные закономерности и последствия. Видимо, ими можно пренебречь, если социальная политика — не наука, а бытовые впечатления. Права работников на средства, поступающие в социальное страхование, должны быть оформлены, собственность страховых фондов должна из государственной стать публично-частной (работников и работодателей), что привело бы к более эффективной их организации, использованию и контролю.

Другой пример — обсуждение вопроса о повышении *пенсионного возраста*, против которого, по данным опросов, возражает большинство. Но финансисты из власти и приближенные к ним эксперты настаивают на этой мере. Видимо, в их культурную парадигму не входит сочувствие к тем, кто за долгие трудовые годы устал, работал в тяжелых и вредных условиях, чье здоровье нарушилось, кто не может жить только на одну пенсию, кто хочет, наконец, заняться воспитанием внуков. Финансовые соображения важнее человеческих.

Нужно не изобретать новые конструкции, а повысить роль профессионализма, усилить научно-методические основы принятия решений, научить ся правильно просчитывать их эффекты. Сейчас же

эффективность программ определяется путем сложения процентов разнородных показателей — от уменьшения смертности до повышения заработной платы. И никого такой «метод» не смущает, напротив, на основе полученных данных делаются красивые слайды (доклад Минрегионразвития «Об итогах деятельности органов управления за 2009 г.»).

Повысить качество и расширить культурный контекст управления могла бы *системная независимая экспертиза*, но не как временное сотрудничество власти и ученых, а как встроенная часть процесса принятия решений. Пока же социальная экспертиза проектов и методик не обязательна.

Однако недостаточно того, чтобы управление опиралось на специалистов, также нужны активные, болеющие за дело люди, способные не только советовать, но и действовать ради общего блага. Именно такие люди могут стать реальными носителями и трансляторами позитивной мировой экономической культуры в трансформационной России.

В целом, можно сделать вывод, что недостаточное внимание к вопросу приоритета труда, благополучия работников превращает Россию в зону постоянного роста социальной напряженности, готовит почву для разрастания социально-трудовых конфликтов.